

Юлия МИХАЙЛОВА

ХРЕНКОВ ДМИТРИЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ (1918—2002)

Воспоминания дочери

Армейский человек

Мой отец, Хренков Дмитрий Терентьевич, принадлежал к тому поколению советских людей, для которых понятия «Родина» и «патриотизм» в их советском наполнении были не пустыми словами, а сутью и смыслом жизни. Сейчас часто можно услышать высказывания, что, мол, такие люди были «жертвами пропаганды», но это, безусловно, не так. Для многих представителей его поколения это была искренняя вера, пусть и наивная, в то, что революция и последовавшее затем преобразование России — строительство заводов, железных дорог, электростанций — смогут сделать жизнь народа лучше и счастливее. Ведь так же думали и мыслители эпохи Просвещения, начиная с Вольтера и Руссо.

В студенческие годы, когда среди моих друзей появились критически мыслящие люди, я часто с поддевкой спрашивала отца, что же хорошего сделала советская власть. Он всегда отвечал одно и то же: «Посмотри, все население страны стало грамотным. Разве одного этого не достаточно?» Для него, выросшего в бедной семье и сумевшего многого добиться в жизни в силу собственных способностей и упорства, такое объяснение было, пожалуй, вполне естественным. Я не осмеливалась с ним спорить, да и какие аргументы я могла тогда привести. Ведь от нас, детей, выросших в «благополучных семьях», правда скрывалась, да и наши родители сами не знали всю правду. Сейчас, когда мне самой уже семьдесят лет и я имею опыт жизни и работы в разных странах, я всегда говорю своим студентам, что от социализма в двадцатый век пришла *идея* социального равенства и защищенности, которая в наибольшей степени реализовалась в настоящее время в скандинавских странах или, скажем, в Австралии, хотя господствующий сейчас в мире режим неолиберализма вынуждает людей жить совсем по другой, волчьей, логике.

Детство и юность

Отец родился в Крыму, в городе Керчи, но вскоре семья переехала в Симферополь. Семья была, что называется, с революционными традициями. Дедушка по отцовской линии участвовал в подпольном движении еще до революции. Его фотография висе-

Юлия Михайлова родилась в 1948 году в Ленинграде. Окончила восточный факультет ЛГУ по специальности «История Японии». Имеет более ста научных публикаций. Несколько лет работала в Австралии. С 1996 года живет и работает в Японии.

ла в местном краеведческом музее города Керчи. Он был плотником, но зарабатывал, видно, не очень много, так как бабушке Юлии Дмитриевне, в честь которой я названа, приходилось подрабатывать и поденщицей, и чернорабочей на фабрике. Как вспоминал впоследствии отец, у них в доме часто собирались бывшие подпольщики, в том числе приходил П. В. Макаров, автор популярной книги «Адъютант генерала Май-Маевского», по которой спустя десятилетия был поставлен телевизионный фильм «Адъютант его превосходительства». Мальчиком отец всегда с интересом слушал их рассказы, так что идеи революции он усваивал с детства.

Среди родственников была некая Софья Германовна Хренкова, на могилу мужа которой семья ходила на Троицу. Перед отъездом отца на учебу в Ленинград Хренков-старший поведал сыну то немногое, что было известно о ее деятельности как члена партии социалистов-революционеров, и наказал разузнать подробности. Отец выполнил наказ и собрал о Софье материалы. Она работала то школьной учительницей, то корректором в типографии, но также писала стихи, которые были широко известны членам революционного движения. Из-за своей революционной деятельности Софье часто приходилось переезжать из города в город. Эта мужественная женщина, имевшая к тому времени двух дочерей и воспитывавшая их одна (муж умер, и именно на его могилу ходили на кладбище в Симферополе), была среди толпы, вышедшей 9 января 1905 года к царскому дворцу. Она не раз арестовывалась, много времени провела в тюрьмах и покончила с собой в знак протеста против обращения с заключенными — сожгла себя в тюрьме, облившись керосином. Каково же было мое удивление, когда я увидела портрет нашей родственницы в американской книге «Россия в визуальных образах». Он приведен в статье, рассказывающей о том, как могли выглядеть образованные рабочие начала XX века. С овальной фотографии, явно предназначавшейся для того, чтобы поставить дома на комод или повесить на стенку, на нас смотрит скромно одетая женщина без всяких украшений и вычурности в прическе, но взгляд ее полон достоинства и самоуважения. Кажется, что она четко знает свою цель в жизни.

Уже в школьные годы проявились лидерские и организационные способности отца. В школе он был председателем учкома, совета старост, секретарем комитета комсомола школы, участвовал в пленуме горкома ВЛКСМ, увлекался изданием стенгазеты.

Тогда же в школьные годы у отца проснулась любовь к поэзии и, я бы сказала, даже какая-то одержимость ею. Ведь почти все его книги рассказывают о поэтах, которых он знал лично и с большинством из которых сдружился на дорогах войны. Как это часто бывает, интерес к поэзии у него пробудила учительница литературы, прочитавшая детям вступление к «Руслану и Людмиле». Сам отец, насколько я знаю, стихи не писал, за исключением нескольких стихотворений, адресованных близким по шуточным поводам. Однако он обладал стопроцентной памятью на стихи. Его способность читать стихи по памяти пригодилась сначала в школе, когда перед началом концертов отца выпускали на просцениум читать стихи перед всем залом, а потом на войне, когда он читал стихи бойцам в перерывах между боями. Любопытно, что уже в школьные годы отец был знаком с «Фартовыми годами» Виссариона Саянова, о котором он позднее напишет книгу.

В 1936 году способный паренек был направлен из Симферополя в Ленинград учиться в Коммунистическом институте журналистики (КИЖ) имени Воровского, находившемся на канале Грибоедова, 166. Каждый раз когда мы проезжали мимо здания института, расположенного в старинном особняке, отец вспоминал друзей студенческих лет. Запомнилось одно шуточное двустишие, которое у нас дома буквально стало присказкой, звучавшей каждый раз, когда следовало раскритиковать чью-либо писанину: «У журналиста Силина в мозгу одна извилина, и та из ж... Сажина как будто пересажена». Чаще всего отец вспоминал вечера поэзии, где выступали Б. Корнилов,

Б. Лихарев, Н. Тихонов, В. Саянов. Его любимым преподавателем был А. И. Шабанов, человек, учившийся в ленинской школе в Ложюмо, и член Ленинградского оргкомитета по подготовке I съезда советских писателей. Его предметом в КИЖе значилась история партии, но в действительности он скорее читал лекции по литературе, включавшие множество стихов, стремясь поднять культурный уровень студентов в целом. В своей книге о Николае Тихонове отец вспоминал, как именно эти занятия принесли ему понимание значимости Тихонова и Маяковского как поэтов, заложивших основы будущей советской литературы и, главное, определивших перспективы ее развития.

В 1939 году произошло важное событие в жизни отца. Его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Из автобиографии и характеристик в партию можно узнать, что отец был не только способным студентом, но и редактором издававшихся в КИЖе «Литературной газеты» и «Литературного сборника», вожатым в одной из школ Октябрьского района, а в 1937–1938 годах работал референтом горкома ВКП(б). Можно сказать, что близкой по роду деятельности он и будет заниматься всю свою дальнейшую жизнь.

В том же году отец был направлен на журналистскую практику в Москву в газету «Правда», главным редактором которой был один из сталинских палачей Лев Мехлис. Однако отцу он однажды спас жизнь. Лев Гаврилов уже описал тот случай в своей книге «Это было однажды» (с. 70), но Мехлис в его рассказе отсутствует. Поэтому позволю себе изложить версию, которую я слышала не раз от отца.

В Москве происходила встреча руководства страны с интеллигенцией. Отец сидел в зале, смотрел и записывал, но вдруг ему приспичило пойти в туалет. Нашел он соответствующее заведение, но охранник не пускает туда — это, мол, для вождей. Известный своей настойчивостью Хренков все же прорвался, видать, нужда одолела. И вдруг он слышит голос: «Вожди тоже помочиться хотят», и в туалет входит Сталин. Естественно, отца тут же арестовали. Поскольку у него было удостоверение газеты «Правда», прежде всего связались с Мехлисом, и тот приказал, чтобы отца отпустили.

Прошли годы. В 1980-х годах отец ехал как-то раз на поезде из Комарова в Ленинград. В Дибунах вошла компания военных летчиков. Вдруг один из них, весь в орденах, подходит к отцу и говорит: «Из-за тебя, с..., мне десять лет дали. Хорошо, что война — попал в штрафной батальон». Он оказался тем самым охранником, который пропустил отца в туалет. «Лучше бы я наделал тогда в штаны», — заканчивал свой рассказ отец, но все же не каждый мог похвастаться встречей со Сталиным в туалете да еще остаться при этом в живых.

Впервые на фронте

В своей автобиографии отец писал, что когда начался освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Белоруссию, совесть не позволила ему отсидеться в тылу, и он добровольцем пошел в армию, но попал уже на финский фронт¹.

Мне удалось найти запись в книге призывников за 1939 год Октябрьского военкомата Ленинграда, где указано, что в сентябре отец был направлен в школу политруков. Однако адрес его проживания стоит московский: Станция Башиловка, д. 30, кв. 35 (улица не указана), то есть в Ленинграде он не задержался и сразу же попал на фронт. Отец стал военным корреспондентом газеты 8-й армии «Ленинский путь» и оставался им до 1945 года, когда газета была упразднена.

За последние три десятилетия опубликовано множество воспоминаний участников так называемой Зимней кампании 1939–1940 годов, которые показывают не толь-

¹ ЦГАИПД, ф. 24, опись 202, дело 99, лист 1.

ко ход военных операций, но и чисто бытовые моменты, а также жестокость войны, неподготовленность к ней Советского Союза и, наоборот, продуманность действий финнов. Отец считал эту короткую войну более страшной, чем четыре года Великой Отечественной. Недавно я нашла маленькую записную книжечку отца времен Зимней кампании. Было трудно понять его почерк, многие слова расплылись из-за того, что писал он, видимо, урывками у костра поздно вечером, когда падал снег, а глаза слипались от усталости. За прошедшие восемьдесят лет бумага местами истлела. Сам отец не считал нужным опубликовать эти записки, но все же и не уничтожил их. Я подготовила их к печати, и они были опубликованы в июле 2017 года в журнале «Нева», главным редактором которого он был с 1979-го по 1984 год. Его записи не похожи ни на урапатриотические воспоминания советского периода (хотя патриотизма в них хватает), ни на критический взгляд на войну более поздних лет. Скорее, это личные переживания человека, впервые оказавшегося на войне, когда ему было двадцать лет, и мечтавшего со школьной скамьи побывать в боях. Он пишет, какое напряжение он испытывал, впервые пересекая границу Родины, о своем волнении в преддверии первого боя, думает о том, можно ли преодолеть страх от свистящих рядом пуль и разрывающихся снарядов. Страх вскоре пройдет, но боязнь за свою жизнь, как он признается, все же останется. Отец раздумывает, какова должна быть работа военного корреспондента. Можно, конечно, находиться при штабе, пишет он, и все новости узнавать там. Но всякий материал должен быть проверен, поэтому нужно самому бывать в частях на передовых позициях. Только это дает хороший материал, вызывает уважение к корреспонденту и газете. «Бойцы видят рядом с собой, под огнем, журналиста, значит, он свой, а поэтому с ним легко говорить». За три с небольшим месяца, что отец провел на фронте, он пришел к выводу, что самое важное в жизни — это чтобы рядом были товарищи, даже любимая девушка, может, и не так нужна. Этой заповеди он следовал всю свою жизнь, и книги его были в основном о друзьях-поэтах, с которыми его свела судьба на войне.

Великая Отечественная

22 июня 1941 года отец встретил в небольшом западнолатвийском городке Таураге, совсем недалеко от границы. С отступавшей Красной армией он прошел через Ригу, Псков, Ораниенбаумский плацдарм и в конце октября оказался на Невской Дубровке. Редакция «Ленинского пути» находилась в Колтушах. Оттуда отец делал постоянные «вылазки» в действующие части, а также наведывался в Ленинград, часто бывал, например, у Н. С. Тихонова на Зверинской, 2. Пять раз он переправлялся на «Невский пятачок». Мне кажется, что слово «вылазки» как нельзя больше подходит к описанию его работы в те годы. Ведь вокруг Ленинграда сплошные болота, а через них были проложены так называемые лежневки, хождение по которым требовало особых навыков — того и гляди, соскользнешь и зачерпнешь голенищами сапог ржавую воду, а зимой бревна покрывались ледком, и было легко оказаться в болоте, не замерзавшем и зимой. И все это происходило под постоянным огнем врага.

Задача военного корреспондента состояла в том, чтобы найти факты, свидетельствующие об отважных действиях солдат, которые могли бы быть использованы для публикации в газете. Из записных книжек отца начала войны (в то время он находился на Ораниенбаумском плацдарме) видно, что он собирался писать повесть: «В голове почти созрел план повести. Это все та же тема, которую начал писать [Нигде не указано, какая именно — Ю. М.]. Только действие будет перенесено на фронт. Пусть будет слякоть, дожди, пробки, кровь, смелость и отвага — это фон, на котором при-

дется действовать Вадиму и Тоне. Иногда хочется писать так, что руки дрожат. Кажется, дали бы мне свободное время, и повесть была бы готова. Но стыдно так думать. И сейчас не смог бы писать. Когда люди воюют, самое страшное быть шалопаем».

Задуманную повесть отец так и не написал. Но каждая его корреспонденция в «Ленинском пути» выглядела как небольшой, можно сказать, лирический очерк. Впоследствии он создал книгу «Герои не умирают» (1987), которая была основана на корреспонденциях того времени, хотя среди них есть и послевоенные рассказы о том, как он находил «забытых героев»: одних — чтобы передать ждавшие их награды, других хотя бы просто для того, чтобы уточнить и подправить написанное ранее. Многие из этих людей становились его друзьями до конца жизни.

Но как же непросто было добывать факты! Так, другой раз стоило усилий добиться того, чтобы попасть в лодку, следующую на «Невский пятачок», или в экипаж танкистов, которым предстояло идти в бой. Сравнивая журналистов периода Финской войны и Отечественной в период отступления он писал: «Жизнь редакции сейчас резко отличается от той нашей жизни, которой мы жили в Финляндии. Мы больше стали чиновниками, почему-то не стало задора (хотя ясно, что во время отступления трудно быть задорным). Езда на передовые стала нудной обязанностью. Против желания и я поддался этому настроению. Стыдно писать об этом... Сам я не храброго десятка, но еще ни разу не отказывался от поездки и не приезжал без материала».

В этой же записной книжке есть страница, относящаяся, по-видимому, к зиме 1941 года: «Если б ноги могли рассказывать! Правда, может быть, мне тогда не стоило кончать институт, но все же. Более 60 километров я прошел в поисках интересного материала. Краем уха услышал, что одна из дивизий готовит интересную операцию: по льду Ладожского озера зайти в тыл к немцам. Операция абсолютно секретна. Никто не пожелал мне говорить о ней. Решили с Петровичем (возможно, имеется в виду А. П. Бакалов. — Ю. М.) действовать на свой страх и риск. Мы шли по горячим следам дивизии. Добрели до деревни, нам сказали: „Дивизия была, но ушла“. Шли голодные и злые. Наконец добрались до политотдела. Обогрелись и ночью отправились по какой-то лесной тропинке на озеро. Опять же на свой риск. Дивизию мы все-таки нашли. Часть ее уже была на льду. Плелись усталые и голодные всю ночь. Под утро у берега наткнулись на полынью. Потоптались, поискали обхода. Тщетно! Штаб ушел на острова, а мы поплелись на берег, так и не найдя ни единой нужной строчки».

Конечно, тон и настроение корреспонденций стали совсем другими, когда Красная армия перешла в наступление. К осени 1944 года наша армия уничтожила или пленила остатки гитлеровских войск, оккупировавших Эстонию. В руках врага оставалось только два острова — Муху и связанный с ним дамбой самый большой остров в Балтийском море — Сааремаа. Отец участвовал в их взятии. Войска накапливались в Виртсу. Находившийся там член военного совета армии генерал Зубов разрешил отцу пойти на остров с десантом. Под сильным обстрелом торпедные катера, на одном из которых находился отец, устремились к острову. Вплотную приблизиться к берегу не удалось из-за валунов, нужно было прыгать в воду. Через сорок с лишним лет отец напишет в одной из своих книг: «Воды у берега было немного — где по пояс, где по грудь... но прыгать в воду мне не улыбалось. Отправляясь в Виртсу, я получил в военоторговской мастерской первую в жизни шинель, сшитую по фигуре, первые хромовые сапоги... Коль скоро я был и старшим по званию, и оказался у рубки [старший лейтенант] Шлис бросил мне по-дружески: „Давай!“ Ох как не хотелось, как страшно было прыгать с надежной палубы в неизвестность». Командир батальона десантников Белов был убит. Между тем генерал Зубов требовал доложить по рации обстановку. Отец дважды докладывал, а в третий раз сделал это, вернувшись с острова на материк. Получилось, что он как бы руководил десантом. Когда через несколько дней

сотрудники «Ленинского пути» представлялись к наградам, отец — единственный из всех! — получил орден Красного Знамени.

Судьба повернулась так, что в последние годы жизни отца ему оказывала большую помощь моя подруга Хелью, родом с острова Сааремаа. Более пятидесяти лет назад она приехала в Ленинград учиться в медицинском институте, вышла замуж, родила детей, работает по сей день, хотя ей уже 76 лет, и нянчит внуков. Отец часто шутил, что, мол, не освободи он в 1944 году Сааремаа, Хелью не удалось бы попасть учиться в город на Неве и, вообще, ее жизнь сложилась бы по-другому. У отца было много друзей в Эстонии, ведь войну он закончил в Таллине и снимал комнату в эстонской семье в пригороде Ныммэ, где были индивидуальные дома и жили люди не бедные. Часто приходится слышать, что эстонцы не любят русских. Но с хозяевами дома Анитой и Хэйне отец крепко подружился. После войны мы не однажды ездили летом к ним в гости. Кажется, я до сих пор помню вкус испеченных Анитой булочек и сделанной ею простокваши.

У стен Петропавловки

В 1945 году отец вернулся в Ленинград. Вскоре его близкий армейский друг еще со времен войны с финнами Александр Бакалов познакомил его с моей матерью, Татьяной Аркадьевной Воловик, которая была школьной подругой жены Бакалова, Надежды Романовны Парфеновой. Впоследствии она стала известным в Риге акушером-гинекологом. На «смотрины» в квартиру бабушки и дедушки отец явился, неся завернутого в одеяло племянника Надежды Романовны. Мать потом шутила, что, мол, из-за ребенка было не видно жениха. Отец действительно был небольшого роста, что, вероятно, в молодости вызывало у него определенный комплекс. Однако моя бабушка, приводя пример Наполеона, утверждала, что таким мужчинам присуще стремление многого добиваться в жизни. Как видно, она была права. Дедушка сразу же нашел в отце интересного собеседника. Для мамы это был второй брак — первый муж погиб на войне, но выбор женихов у нее оставался и после войны: она была очень хорошенькая. Все же мать выбрала отца, может, не столько «по большой любви», сколько почувствовав в нем порядочного человека и надежную опору в жизни.

По рассказам семьи, мама лично ходила к главному редактору газеты «На страже Родины» Максиму Ильичу Гордону просить за папу: то ли за то, чтобы его взяли на работу в «На страже Родины», то ли, чтобы он остался в Ленинграде. Отношения с Гордоном у нашей семьи были очень дружеские, во всяком случае, так вспоминали родители, а с Прохвятиловым, который стал главным редактором после Гордона, они ограничивались рабочими. Вскоре отец получил маленькую двухкомнатную квартиру на Матятинном переулке, который находился с задней стороны сада Олимпия, сильно разрушенного в войну. Переулок был вымощен булыжниками, и ноги утопали в грязи или в снегу круглый год. В 1948 году, 23 февраля родилась я. Мама очень радовалась, что мое рождение пришлось на армейский праздник — это был подарок отцу. Так, всю жизнь меня поздравляли с днем рождения в «солдатский день». Из Керчи к нам приехала папина мама нянчить меня. К сожалению, она скончалась летом 1948 года, но ее портрет с прической Серебряного века висел у меня в комнате до тех пор, пока мы не переехали на другую квартиру.

В «На страже Родины» отец сначала работал в отделе партийной и комсомольской жизни. Его записные книжки 1946—1947 годов свидетельствуют о том, что он записывал и описывал буквально все в повседневной жизни армейских подразделений Ленинградского военного округа. Сюда входила и военно-строевая подготовка, и стро-

ительство военных и гражданских объектов, и работа на полях и огородах подсобных хозяйств. Однако особенное внимание отец уделял спортивным состязаниям, в частности стрельбе, возможно, потому, что они были наиболее зрелищным и интересным моментом в жизни солдат и офицеров. В спорте он видел большую организующую силу. Прочитую одну запись из записной книжки 1946 года: «На примере Е. Миронова можно убедиться, как спорт дисциплинирует и, если можно так сказать, облагораживает человека. Стройный, подтянутый, предупредительно вежливый — он является собой образец офицера. Безусловно, многие из этих качеств приобретены Мироновым в результате систематических занятий спортом. Именно систематических, ибо спорт — это воплощение организованности и порядка. Потому нам нужно заниматься систематически и организованно... В 1946 г. Миронов, уже немолодой спортсмен, смог добиться новых личных успехов». Однако сам отец увлекался спортом только как болельщик.

Отцу были по душе слова Горького, который писал, обращаясь к землякам-динамовцам: «Общество [Динамо] создано по инициативе железного рыцаря революции Ф. Э. Дзержинского. Греческое слово „дина“ значит „сила“, динамика — движение, а динамит взрывчатое вещество. „Динамо“ — это сила в движении, призванная взорвать и разрушить в прах и пыль все старое, гнилое, грязное, все, что затрудняет рост нового, разумного, чистого и светлого, — рост всепролетарской, социалистической культуры»². Эти слова отец цитировал в одной из статей. Он всегда старался привести как можно более подробные сведения об участниках соревнований, перечисляя, если это было возможно, их спортивные достижения чуть ли не с довоенных лет.

Среди спортсменов и, особенно, тренерского состава у отца появилось в те годы много друзей. Так, он близко сошелся с семьей Иссуриных. Старший, Зиновий Иосифович, был тренером по легкой атлетике, а младший, Александр Иосифович, был судьей по легкой атлетике и впоследствии стал судьей международной категории по спортивной ходьбе. Кроме того, начиная с блокады, он был одним из организаторов спортивной жизни Ленинграда и Ленинградского военного округа. А. И. Иссурин много ездил на международные состязания, в том числе побывал на Олимпийских играх в Австралии, Японии, Мексике, Канаде. Его впечатления о поездках в разные страны открывали нам совсем иной мир, который не каждый мог повидать своими глазами в то время. Именно его рассказы о Японии, о скоростных поездках, Токийской башне, карликовых деревцах *бонсай*, трудолюбивых и упорных японцах впервые заронили у меня интерес к стране, изучение которой стало моей специальностью.

Иссурин был очень остроумным человеком, знал много анекдотов, былей и небылиц и был непременным гостем в родительском доме, особенно в дни семейных торжеств. Другим острословом был радиожурналист Матвей Львович Фролов, друг отца еще с военных времен. Как и отец, он всегда считал наиважнейшим делом дать информацию о факте, а оценку оставить за читателем. Однако в годы перестройки я услышала от него фразу, которая подтвердила мою убежденность в том, что изучение Японии не является просто забавой, а чрезвычайно важно для России в целом. Фролов сказал примерно так: «Книги и выступления по телевизору Владимира Цветова [корреспондента в Японии] подготовили нас к перестройке». Тогда же он пригласил меня на радио выступить с рассказом о моей книге про японского мыслителя Мотори Норинага. Вскоре рецензия на книгу появилась в японском журнале «Советский Союз сегодня» и — как знать, — возможно, поспособствовала приглашению меня на работу в Японию.

В 1998 году отец, по-видимому, чувствуя, что собирает оставшихся в живых своих друзей в последний раз, решил отпраздновать свое восьмидесятилетие. Официально

² <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-61.htm>

по паспорту он родился в 1919 году, но в действительности на год раньше. В бурные годы Гражданской войны родители, видно, не смогли сразу же зарегистрировать рождение сына. Это и дало возможность отметить юбилей. Конечно, праздник был «со слезами на глазах». Но все-таки было удивительно, как друзья отца пронесли свою дружбу через всю жизнь и стали также моими друзьями. В 1980-е годы я нередко приглашала их и на свои дни рождения, и они всегда были, что называется, украшением стола. Анекдоты и смешные рассказы о членах тогдашнего нашего Политбюро не умолкали.

Я не очень помню отца в ранние годы своего детства, то есть в то время, когда между детьми и родителями складываются отношения, основанные просто на физической близости и люди становятся родными. Отсутствие такой близости не было удивительным. Когда мне было два года, отца сослали в Чкалов, где он работал в газете «Сталинец». Чкалов был, по-видимому, местом ссылки, связанной с «ленинградским делом» 1949–1950 годов. По этому делу главный редактор газеты «На страже Родины» М. И. Гордон был осужден на 15 лет. То, что для отца это была ссылка, следует хотя бы из того, что он ни разу не приезжал в Ленинград, но мама ездила к нему.

Однако уже в 1952 году отца направили в Германию в газету «Советский танкист». Из Германии он всегда приезжал в отпуск, а мне писал письма в стихах. Сейчас помню только один отрывок:

Так-так-так — стучат колеса,
Поезд на ходу гремит,
Как большая папираса,
Паровоз трубой дымит.

Здравствуй, речка,
Здравствуй, поле!
Вот и встретимся мы снова.

Вернувшись в Ленинград, отец продолжил работу в газете «На страже Родины», но уже в качестве ответственного секретаря, дежурил в редакции по ночам почти через день. В 1950-е годы редакция газеты «На страже Родины» находилась на территории Петропавловской крепости, в стороне от собора, ближе к выходу на проспект Добролюбова. Дежурил он и в ту ночь, когда разразилось наводнение 1955 года, четвертое по уровню подъема воды (282 см) за всю историю города. Когда машина, развозившая работников редакции по домам, подошла к мостику, соединявшему территорию Петропавловской крепости с площадью Революции, поток воды перевернул ее. Отец сломал руку.

Редакция газеты находилась рядом с Петропавловским пляжем. Там можно было легко выйти прямо на берег Невы, и по воскресеньям в хорошую погоду мы ездили к отцу на работу. Часто с нами вместе бывал фотограф Николай Иванович Хандогин, знакомый отцу по войне и побывавший с ним вместе в Германии. Архив всех его негативов хранится сейчас в Берлине в музее Карлхорст. У меня же остались некоторые фотографии, в том числе с Петропавловского пляжа. Мы дружили семьями с Сергеем Сергеевичем Орловым и с Михаилом Александровичем Дудиным. Жена Дудина, Ирина Александровна, привозила мне из-за границы роскошные подарки, хотя это было уже скорее в 1960–1970-х годах. Так, она подарила мне первые «взрослые» туфли и мохеровый шарф — предмет зависти всех подруг.

Вообще, дома отец бывал мало и, соответственно, я почти его не видела. Только иногда мы взбирались вместе на тахту и сочиняли стихи. Вернее, сочинял, конечно,

он. Впервые я по-настоящему познакомилась с отцом «лично» во время путешествия семьи по Волге через канал Волго-Дон до его родного города Керчи. Мне тогда было 13 лет. Вечерами мы гуляли с ним по палубе, и он читал мне свои любимые стихи: Эдуарда Багрицкого, Иосифа Уткина, Николая Тихонова, Михаила Светлова и других поэтов. С его голоса я запомнила эти стихи наизусть. Особенно мне нравились «Смерть пионерки» и «Повесть о рыжем Мотеле». В Керчи и в Тамани я встретились со своими многочисленными родственниками — одних только двоюродных и троюродных братьев и сестер набралось 15 человек. Многие приехали специально для встречи с отцом из других городов Крыма, Южной Украины и России. Все они очень гордились отцом: ведь среди них он был не только самый образованный, но и, как считалось, добившийся наибольшего успеха в большом городе.

Хорошо помню, как в праздничные дни папа, мама и я шли пешком от Технологического института к Пяти Углам, где жили бабушка с дедушкой. Проходили мимо Витебского вокзала, украшенного портретами основоположников коммунизма и вождей народа. В 1956 году один из портретов исчез. На мой вопрос никакого вразумительного объяснения не последовало. Дедушка и папа, конечно, обсуждали XX съезд, но мне в тогдaшнем моем возрасте это было невдомек.

Тема репрессий при мне дома почти не затрагивалась, хотя дедушке грозил арест по «делу врачей», и я запомнила атмосферу страха, чувствовавшуюся дома в те дни. Впервые я столкнулась с темой сталинских репрессий и реабилитации в начале 1960-х годов, когда к нам приехала из Симферополя подруга папиных школьных лет Любовь Яковлевна Бухбанд. Ее отец Яков Арнольдович в 1935—1936 годах был начальником Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД по Крымской АССР. В 1937 году он был арестован якобы как член «правотроцкистской террористической организации» и расстрелян в 1938 году. Сама Любовь Яковлевна тоже была арестована за «недоносительство на отца», но отпущена в связи с отсутствием доказательств. Припоминая разговоры между отцом и Любовью Яковлевной и учитывая их разницу в возрасте (она была на два года моложе), я склонна предположить, что мой отец находился в дружеских отношениях с самим Яковом Арнольдовичем, тем более что тот был в 1935—1937 годах председателем Союза советских писателей Крыма. Возможно, именно он содействовал отправке отца на учебу в Ленинград. Поэтому приезд Л. Я. Бухбанд, ее рассказ о реабилитации отца, подкрепленный привезенными документами, был весьма значимым событием в жизни нашей семьи. Именно тогда я услышала от отца слова о том, что он впервые усомнился в Сталине, прочитав в поезде по дороге в Чкалов статью «Марксизм и вопросы языкознания». Будучи студентом Коммунистического института журналистики, отец учился у Н. Я. Марра, хотя вряд ли был осознанным «марристом» — языкознание лежало в стороне от его интересов. В статье Сталина его скорее поразило то, как последний грубо отрекся от ученого, которого до этого поддерживал. Личное знакомство с Марром лишь усугубляло это впечатление.

Война не отпускает

В конце 1960 года по ходатайству Ленинградского обкома КПСС отец был уволен из рядов армии и направлен на работу в редакцию газеты «Вечерний Ленинград» заведующим отделом литературы и искусства. Впоследствии он занимал такие ответственные должности, как главный редактор Лениздата и главный редактор журнала «Нева». Однако и на гражданке он как бы оставался военным корреспондентом. Хочется привести рассказ о том, как отец разыскивал бывшего ефрейтора 482-го стрелкового полка 131-й стрелковой дивизии Сабалака Оразалинова и боролся — другого слова не под-

берешь — за то, чтобы ему дали достойную награду. Дело было в том, что Сабалака, который повторил подвиг Александра Матросова, долгие годы считали погибшим или, как писал отец, он сам похоронил героя на страницах армейской газеты «Ленинский путь». Хотя отец кратко описал эту историю в своей книге «Герои не умирают», в его архиве имеется гораздо больше материалов, рассказывающих о ней.

Впервые отец повстречался с Сабалаком в 1944 году. Тогда он узнал, что выросший в детдоме казахский паренек стал проситься на фронт, когда ему было еще только 17 лет, да так настойчиво, что его послали в школу снайперов в Ашхабад. В начале 1943 года он уже оказался под Ленинградом и вскоре заслужил свою первую солдатскую награду, а с ней получил и первое ранение. Тогда-то отец и познакомился с ним; ему пришлось по душе этот молодой человек, еще не очень хорошо говоривший по-русски, но уже успевший заслужить уважение однополчан за свою доброту, старательность и чувство ответственности.

В ноябре 1944-го Оразалинов участвовал в ожесточенных боях за освобождение острова Сааремаа и полуострова Сырве. Там-то он и совершил свой подвиг. Вот как сам Оразалинов описывал в письме к отцу от 1 марта 1975 года то, что произошло 18 ноября: «Утром того дня в 1944 году бойцы нашего батальона получили задание после артиллерийского обстрела начать решительную атаку на врага.После сигнала к атаке наша рота пошла в наступление, Помню, мы прошли только что-то около километра, как наша рота напоролась на огонь пулемета немецкого дзота. Упали мои товарищи замертво под этим огнем. ...По цепи (дистанции) залегших однополчан я вызвался у старшего лейтенанта Климова уничтожить дзот врага. Схватив ручной пулемет, я где по-пластунски, где перебежками смог подобраться к дзоту на 8—9 метров и выпустил полный диск ручного пулемета в окно амбразуры. Затем быстро бросившись к этому окну (отверстию), прижался к нему, бросил вовнутрь дзота гранату. Дальше ничего не помню. Очнулся в 225 санитарном пункте».

Товарищи по роте, обрадовавшись предоставленной Оразалиновым возможностью, поднялись и стали продвигаться вперед. Они видели, что Оразалинова прошла очередь, и сочли, что ему уже ничем не помочь. Так и было написано в статье красноармейца Алексея Кузнецова, опубликованной в газете «Ленинский путь» от 6 декабря 1944 года. Однако бойцы следующего эшелона случайно раскопали тело Оразалинова, обнаружили в нем признаки жизни и отправили в санчасть, где его смогли поставить на ноги.

В преддверии празднования 20-летия победы отец вспомнил об Оразалинове и задумался, знают ли о его подвиге в Казахстане. Он послал письма в родной город Сабалака — Аягауз, в горком партии и военкомат, потом — министру внутренних дел Казахской ССР, в редакции разных газет. Письма пришли от множества людей: из Центрального архива Министерства обороны Союза ССР, из Архива военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны ССР, Музея боевой славы средней школы № 5 города Аягауза Семипалатинской области. Об Оразалинове вспомнили и в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа», его имя попало в обзор писем, опубликованных в «Известиях».

После того как в «Известиях» была упомяната фамилия Оразалинова (хотя ее ошибочно писали через «м»), кто-то из казахских журналистов сказал отцу, что Сабалак жив и живет в Алма-Ате. Его ранения, к счастью, оказались не смертельными, и после излечения он вернулся в родные края. Отец послал Оразалинову письмо с просьбой рассказать о себе и своей жизни. Он хотел исправить ошибку более чем двадцатилетней давности. Оразалинов ответил письмом, которое было процитировано мною выше.

Вместе с тем герой спрашивал: «Уважаемый т. Хренков! Не сочтите за нескромность — меня естественно одолевает обыкновенное человеческое любопытство — только ли для рекламы вызван Ваш розыск, или что-то ждет меня? Ведь мой подвиг ничем, кроме газетных статей тогда и после, не был отмечен».

И отец стал хлопотать о том, чтобы воздать должное герою. Это оказалось не просто. Так, в письме Военного комиссариата Казахской ССР от 21 февраля 1975 года говорилось: «Оразалинов Сабалак участвовал в боях в составе 482 СП 18 СД с 17.2.1944 по 18.11.1944 г. За боевые подвиги по представлению командования награжден двумя медалями „За отвагу“ (второй медалью награжден в апреле 1945 г., то есть после совершенного им описанного Вами подвига)... Представлению к награждению за ранение он не подлежит». На самом деле второй медалью «За отвагу» Оразалинов был награжден за взятие языка в сентябре 1944 года.

В январе 1975 года отец пишет очередное письмо, обращаясь на этот раз за содействием к А. Б. Чаковскому. Там, в частности, говорилось: «Я с удивлением узнал, что Сабалак Оразалинов, хотя и представлялся к званию Героя Советского Союза, но не получил никакой награды... Смысл моего длинного письма к Вам состоит в том, чтобы исправить ошибку, воздать должное Герою. ...Конечно, я мог бы написать обо всем этом в газету. Такая возможность не исключена. Но у Вас, как у депутата Верховного Совета СССР, видимо, есть более прямые пути к восстановлению справедливости. Тем более близится 30-летие нашей Победы».

27 января 1981 года в «Красной звезде» вышел очерк подполковника Ю. Романова «Батыр», рассказывавший о подвиге Сабалака Оразалинова. После него в газету пошел поток писем, авторы которых высказывали возмущение тем, что Сабалак до сих пор не был удостоен звания Героя Советского Союза

Далее, уже на посту главного редактора журнала «Нева», в 1984 году отец обратился в Главное управление кадров Министерства обороны СССР, в отдел наград. В своем обращении, рассказав о подвиге Оразалинова, он писал: «За свой подвиг на полуострове Сырве он никак не отличен. Начальник Главного Политуправления т. Епишев сообщил мне, что ошибка будет исправлена к 30-летию Победы. Увы! Выросли у Оразалинова дети, растут внуки, сам он стал человеком из легенды, а до сих пор не получил сколько-нибудь достойной награды. Я пишу Вам в преддверии 40-летия Победы. Может быть, на этот раз действительно найдется возможность воздать герою по заслугам?»

Об Оразалинове также был снят фильм «Всем смертям назло!», который демонстрировался 1 января 1985 года по казахскому телевидению. Трудно сказать, что именно сыграло определяющую роль, но все же 6 апреля 1985 года к 40-летию победы Сабалак Оразалинов был награжден орденом Отечественной войны I степени, хотя по степени важности эта награда ниже звания Героя Советского Союза. С отцом они постоянно переписывались: последние поздравительные открытки, которые я нашла, относятся к 1987 году. Столь длительная борьба за справедливость вызывала у отца, мягко говоря, чувство досады и разочарование системой, которой и он, и Оразалинов преданно служили всю жизнь.

Другой темой, связанной с войной и с которой отец не расставался, можно сказать, до конца жизни, было правдивое и полное изложение фактов о блокаде Ленинграда. В статье «Ты помнишь, товарищ», опубликованной 16 января 1990 года в газете «Вечерний Ленинград», он пишет о том, как добивался этого, будучи главным редактором Лениздата. Отец приводит, в частности, два факта, свидетельствующие о том, как партийные органы и в Ленинграде, и в Москве всячески выпячивали действия Ставки военного командования, занижая при этом роль самих ленинградцев. Книга об операции

«Искра», украшенная статьей маршала Г. К. Жукова, вышла в 1973 году, но в ней не удалось сказать все, что следовало. Так, не была названа точная цифра потерь (горожан и воинов), понесенных во время блокады, хотя она имеется. Другой пример. В 1974 году Лениздат подготовил сигнальный экземпляр книги «Великая победа под Ленинградом», и, как было положено в то время, этот экземпляр прежде всего был отправлен в Смольный. Тут же главный редактор был вызван «на ковер», после чего два года ушло на то, чтобы приглушить пафос рассказов о героизме ленинградцев и защитников города, убрать известные факты и подчеркнуть роль Ставки. Книга все же вышла в свет, опять же при содействии Г. К. Жукова, но уже называлась она «Славная победа под Ленинградом».

Много сил приложил отец для возрождения Музея героической обороны Ленинграда, который сразу после войны был создан в Соляном городке, но закрыт в связи с «ленинградским делом». В 1990-е годы писал отец уже мало, но постоянно выступал с лекциями и беседами именно в оставшемся зале этого музея.

Интересно, что одна из последних статей Д. Т. Хренкова была опубликована в газете «На страже Родины» 7 декабря 1991 года, то есть за несколько недель до распада Советского Союза. В ней он вспоминает как в 1942 году накануне готовившегося 8-й армией очередного наступления он шел с Невской Дубровки по заснеженному блокадному Ленинграду на квартиру поэта и писателя Н. С. Тихонова. Статья Тихонова была необходима газете «Ленинский путь», чтобы передать защитникам Ленинграда самое главное, что лежало у поэта в сердце, чтобы придать бойцам дух твердости и решимости, мужества и смелости. Статья была напечатана в газете уже на следующий день, и диктовал ее отец наборщикам, которые уже сверстали номер, — написанное Тихоновым было важнее других материалов.

К теме войны и блокады отец обращался в начале 1990-х годов для того, чтобы напомнить людям, что построение нового будущего должно твердо основываться на знании подлинной истории.

На гражданке. Работа в газетах и театре

Демобилизовавшись из армии в конце 1960 года, отец стал работать в газете «Вечерний Ленинград», возглавив там отдел литературы и искусства. Публиковавшиеся отделом статьи должны были прежде всего рассказать читателям о культурной жизни города на Неве. Пролистывая подшивки газеты того времени, поражаешься широте затронутых тем. Среди них есть статьи, посвященные столетнему юбилею со дня рождения А. П. Чехова, картина с портретами А. С. Пушкина, критическому разбору книг молодых поэтов, выпущенных Лениздатом. Публиковались периодические обзоры журналов «Звезда» и «Нева», обсуждались собрания в Союзе писателей, встречи писателей с читателями и библиотечными работниками. В 1961 году были напечатаны две большие статьи о мэтре ленинградской поэзии Всеволоде Рождественском, об Александре Прокофьеве, чья книга «Приглашение к путешествию» была выдвинута на соискание Ленинской премии. Большое внимание газета уделяла визуальным и зрительным жанрам, таким, как годичная выставка работ ленинградских художников, проходившая одновременно в залах ЛОСХа и в Русском музее, публиковались рецензии на спектакли Академического театра драмы им. Пушкина, рассказывалось о работе его отдельных актеров, в частности о Николае Черкасове, и о художественном руководителе театра Леониде Вивьене. Не были обойдены вниманием Театр оперы и балета им. Кирова, цирковые и эстрадные представления, в том числе Аркадия Райкина, работа ГЮЗа. Естественно, что в начале мая появилось много статей, воспо-

минаний и стихов о Великой Отечественной войне. Некоторые из этих статей были написаны самим отцом, публикация же других была им организована. Многие материалы были нацелены, как тогда говорилось, сначала «навстречу XXII съезду», а потом «на претворение его решений в жизнь». Однако перелистывая сейчас подшивку «Вечернего Ленинграда», убеждаешься в том, что отделу литературы и искусства удалось избежать излишней патетики в «следовании линии партии». Перечитывая публикации, я вновь окунаюсь в мир моей юности, как бы присутствуя заново на вечерах поэзии или проходя по залам Русского музея, где были выставлены картины А. Соколова, А. Мыльникова и других художников. Для одной из них («Поэма»), кажется Соколова, позировал отец. На ней изображалось, как бойцы слушают стихи во время затишья перед боем. Что ж, тема действительно была отцовская, но на картине отец не был похож сам на себя.

В 1962 году отец вместе с поэтами Сергеем Орловым и Михаилом Дудиным и художником Алексеем Соколовым совершил путешествие по северным рекам вновь отремонтированной Мариинской системы, о чем было рассказано в трех статьях, напечатанных в самой газете, а наш дом украсила гравюра Рокуэлла Кента, изображавшая ангела-хранителя их судна: американский художник был другом Соколова.

У отца всюду были приятели военных лет, трудившиеся теперь на гражданке, так что попасть в кино или в театр проблемы не составляло. Благодаря «Вечерке» у него появилось много новых связей. Это были и люди старшего поколения, такие, как театральные критики С. Цимбал и Е. Гершуни, и молодые журналисты и литераторы, например, Владимир Торопыгин, Олег Шестинский, Виктор Ганшин, и просто люди самых разных профессий.

Статьи «Вечернего Ленинграда» об Академическом театре драмы им. Пушкина, видимо, были замечены обкомом партии. Когда на одном из его заседаний встал вопрос об «убыточности» театра, взоры присутствующих обратились на отца. Дело было в том, что в театре сложился замечательный актерский коллектив, который состоял из известных народных и заслуженных артистов с довольно большой по тому времени зарплатой. Требовалось уволить многих на пенсию и, кроме того, обновить репертуар, сменив, хотя бы частично, классику на современность. Отец уже тогда считался умелым организатором. Так, проработав в «Вечерке» только два года, с января 1962-го он был назначен директором Ленинградского Академического театра им. Пушкина. Вскоре последовали указания «сверху». Приказ заместителя начальника Главного управления по делам искусства от 14 декабря 1962 года гласил: «Руководству театра сократить с 1 января 1963 из штатного расписания режиссера 1 единицу с окладом 275 руб., 1 единицу с окладом в 225 руб., художника 1 единицу с окладом 250 руб., артистов 1 единицу с окладом 400 руб., 2 единицы с окладом 350 руб., 2 единицы с окладом 150 руб., 2 единицы с окладом в 125 и с окладом в 88 руб.»³. Отец вынужден был осуществлять на практике все эти сокращения, что, конечно, вызывало трения между дирекцией и коллективом театра, хотя личные отношения отца с актерами и режиссерами были хорошими. В театральной среде раздавались голоса о неуважительном отношении к театру со стороны партийного руководства. С другой стороны, молодым актерам было трудно работать в театре, где было столько корифеев. Так, Алиса Фрейндлих не смогла раскрыть там свое актерское дарование, однако успешно сделала это, перейдя в Театр Ленсовета.

При отце репертуар театра попробовали обновить за счет постановки пьесы американского драматурга У. Гибсона «Двое на качелях», рассказывавшей об одиночестве людей в большом городе. Однако партийные власти сочли ее не подходящей для со-

³ ЦГАЛИ, фонд 354, опись 2, дело 479, лист 8.

ветской действительности. В 1963 году был поставлен спектакль по пьесе другого американского драматурга Дж.-Г. Лоусона «Чудеса в гостиной», в котором прекрасно играл В. И. Чесноков, но в целом спектакль не пользовался популярностью у зрителей.

Считалось, что театр должен «выдать» современную советскую пьесу о молодежи. Выбор пал на пьесу З. Гердта и М. Луконина «Танцы на шоссе». Хотя сами танцы в туфельках на шпильках выглядели весьма привлекательно, тема конфликта поколений опять же не вызвала одобрения со стороны партийного начальства, и спектакль был снят. Новые критические статьи в адрес театра в «Ленинградской правде» и в журнале «Театральная жизнь» (одна из них называлась «Не теряя ориентиры») намекали на то, что театр должен идти в русле своей традиции, что и было прекрасно продемонстрировано постановкой «Маленьких трагедий» Пушкина.

Отец очень переживал по поводу неудач в театре, но он не принадлежал к театральному миру, живущему по своим законам. Подтверждалась та истина, что недостаточно быть просто «партийным» для удачного руководства в той или иной профессиональной сфере. Отец вздохнул с облегчением, когда в 1964 году его перевели из театра на должность заведующего корреспондентским пунктом «Литературной газеты» в Ленинграде, расположенном в Доме писателей им. Маяковского на улице Воинова, 18.

Однако работа в театре позволила нашей семье получить новую трехкомнатную квартиру, у отца появился свой кабинет, а стенные шкафы в коридоре были переделаны в книжные полки, и отец начал коллекционировать книги, которых к тому времени уже изрядно накопилось. Какими-то путями ему удавалось доставать и издания издательства «Посев». На стенах стали появляться картины. Кроме уже упомянутой работы Р. Кента, выделялась гравюра ярко-красного цвета работы Андрея Мыльниково под названием «Весна». Еще была авторская копия с литографии знаменитого портрета Анны Ахматовой работы Н. Альтмана, что-то из работ Николая Тырсы. Последняя, правда, была продана по безденежью в начале 1990-х годов, а портрет Ахматовой висит сейчас у меня в Японии. С гравюрами контрастировали небольшие по размеру картины Бориса Федорова, изображавшие милые сердцу волжские пейзажи. Рискну предположить, что эта скромная коллекция заронила интерес к коллекционированию живописи моим сыном Андреем, который стал владельцем художественной галереи сначала в Петербурге, а потом в Японии.

Творческая работа

Отличительной чертой начала 1960-х годов был небывалый взлет интереса к поэзии. В литературу вступило новое поколение молодых поэтов: Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина. Вечера поэзии происходили в многочисленных концертных залах, домах культуры и даже на стадионах. Мы, школьники средних и старших классов, ходили на такие вечера поэзии чуть ли не каждый день. Этот «бум поэзии» говорил о том, что она, как никакой другой жанр литературы, была способна быстро реагировать на духовные запросы времени, отражала пришедшее с «оттепелью» обновление, освобождение людей от страха и их стремление к единению на новых началах.

Хотя отец всегда испытывал особую любовь к стихам, наверное, все же атмосфера «оттепели» в целом, интерес общества к поэзии и творческая обстановка в отделе литературы и искусства «Вечернего Ленинграда», к созданию которой приложил силы и сам он, способствовали становлению его как критика по поэзии и выбору им «своей темы». Неудивительно, что такой темой стала поэзия военных лет, а главными героями его книг оказались поэты-фронтовики, с которыми он прошел всю войну.

В 1960-е годы война и блокада были еще очень живы в нашей повседневной жизни и памяти, а многие блокадные привычки долго сохранялись: бабушка по-прежнему, боясь голода, сушила сухари; мы старались набить дровами сарай во дворах, хотя постепенно стало появляться паровое отопление, а ревматизм был самой распространенной детской болезнью, поскольку матери детей того времени пережили блокаду. Военная тематика легко находила отклик у людей, еще не забывших войну.

Жители Ленинграда почувствовали, что жизнь стала по-настоящему нормальной, наверное, лишь к двадцатилетию Победы в 1965 году. 9 мая на Дворцовой площади была поставлена белая с позолотой трибуна и открыт бесплатный буфет. Почему-то именно этот буфет отец будет часто вспоминать на старости лет, когда его тянуло к бутылочке, а я ему не давала. У него, как и у многих фронтовиков, сказывалась привычка военных лет обязательно выпить «наркомовские сто грамм». Как он нередко говаривал, таким образом Сталин спаивал людей.

Однако с 1964 года атмосфера в стране и ее культурной жизни стала постепенно меняться. Я это ощутила прежде всего по тому, как изменились занятия по истории и литературе в школе. В предыдущие годы наша учительница истории довольно подробно, но главное — откровенно и правдиво рассказывала нам о политических судебных процессах второй половины 1930-х годов. Новый учитель, пришедший в 1964 году, оказался весьма сдержанным и не выходил за рамки написанного в учебнике. А наш любимый преподаватель литературы, который раньше рассказывал много интересного из ее истории, стал учить нас писать шаблонные сочинения. Такая тенденция придерживаться указаний сверху стала проступать в жизни вообще.

Если в 1963 году в «Литературной газете» еще могли быть опубликованы мнения читателей по поводу выдвижения на Ленинскую премию «Одного дня Ивана Денисовича» и многие читатели выступали в поддержку Солженицина, то в 1964 году мы уже не найдем статей о суде над Иосифом Бродским, проходившем в Ленинграде. Отец отдавал должное поэтической музе Бродского, но, видать, он не находил в его поэзии близко-го себе чувства или предвидел, что публикация его стихов вызовет осуждение начальства, хотя и отец поэта, фронтовой фотограф, конечно, знакомый отцу, и Анна Ахматова просили его опубликовать стихи будущего нобелевского лауреата. Бродский не обладал той «гражданственностью», которую отец считал главным и естественным атрибутом поэзии. Все же примечательно, что Фрида Вигдорова, которая во время суда над Бродским вела записи, пока судья не запретил ей это делать, позднее писала, что если бы Хренков присутствовал в зале суда, он «вступился бы за меня» — она была сотрудником «Литературной газеты»⁴. Упомяну об отношении отца к Евтушенко и Вознесенскому. Он любил говорить, что их поэзия выросла из «одной строчки» Маяковского, но была лишена, опять же, гражданственности. На мой взгляд, это было несправедливо, по крайней мере, в отношении автора «Бабьего Яра». Однако отцу скорее была не по душе, как он говорил, «показуха» и «эстрадность», устраиваемая этими поэтами во время их выступлений.

Сам отец по-прежнему придерживался в своих публикациях военно-блокадной тематики, но в «Литгазете» их появилось немного. В одной рассказывалось о Никодиме Поддубове, который осенью 1941-го один с помощью двух бутылок горючей смеси смог поджечь фашистский танк на подступах к Ленинграду. В другой, также приуроченной к очередной годовщине снятия блокады, отцу удалось проследить судьбу Тани Савичевой, школьницы, имя которой, по крайней мере в те годы, знали все ленинградцы. В блокадную зиму 1941 года она вела дневник, в котором рассказала, как умирали один за другим все члены большой семьи Савичевых. Отцу удалось обнаружить, что

⁴ Яков Гордин. Дело Бродского, lib.ru.

умиравшая от голода Таня была все же вывезена из Ленинграда, но скончалась от дистрофии в 1943 году.

25 июня 1964 года было опубликовано интервью, которое отец взял у Анны Ахматовой в связи с ее семидесятилетием. Интересно, что Ахматова согласилась дать интервью «Литературной газете» только в том случае, если к ней придет Хренков. Это говорит о том, что у нее с отцом складывались дружеские отношения.

Отец редко посвящал домашних в свою творческую работу. Обычно по выходным он закрывался в своем кабинете, и тогда все должны были ходить на цыпочках. Работалось ему легко и быстро потому, что писал он о хорошо знакомых ему людях, а стихи помнил наизусть. Через несколько часов он выходил довольный из кабинета, говоря: «Не поесть ли нам картошечки с селедочкой?» Сам быстро чистил и то и другое и заправлял селедку горчичным соусом. До сих пор для меня эта простая еда остается самым большим лакомством.

Берггольц и Ахматова

В соответствии с военной тематикой, героями книг отца были, как правило, мужчины: Орлов, Дудин, Мустай Карим, Гитович, Лихарев, Саянов, Тихонов. Однако две книги составляют исключение. Они были посвящены женщинам: Ольге Берггольц и Анне Ахматовой. Может быть, именно поэтому они кажутся мне интереснее, чем другие, а может, потому, что каждая из этих женщин несла какую-то тайну. Хотя отец писал, что обе они были похожи своим внутренним духовным богатством, умением ждать и верить, но, думаю я, говоря так, он упускал один важный момент. Общей для них были те трагедия и боль, которую они испытали как женщины и матери. Советская система прошла по судьбе каждой из них тяжелым сапогом, лишив радостей материнства.

Ахматова много лет жила, терзаемая болью за судьбу родного сына, Льва Гумилева, которого четыре раза арестовывали и ссылали в лагеря, тогда как сама Анна Андреевна провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Когда же наконец Гумилев окончательно освобожден, людские пересуды осложняли отношения между матерью и сыном.

У Берггольц, мало того, что две дочери умерли от болезней в раннем возрасте, в тюрьме после побоев случился выкидыш ребенка, которого она очень ждала и хотела, а сама она чуть не умерла от заражения крови. Вот что она писала в это время в стихах:

Двух детей схоронила
Я на воле сама,
Третью дочь погубила
До рожденья тюрьма.

Люди, милые, хватит!
Матерей не казнят.
Вы хоть к этим ребятам
Подпустите меня.

*(«Малолетки на прогулке».
Апрель 1939, Арсеналка, больница)*

В книге 1979 года о Берггольц «От сердца к сердцу» отец ничего не написал о ее жизни в трудный период конца 1930-х годов, когда ее дважды арестовывали и бросали в тюрьму. Писать об этом в открытую в то время было невозможно. Однако отец был знаком с дневниками Берггольц задолго до того, как они были впервые опубликованы в 2010 году. Ольга Федоровна показывала ему дневники выборочно, разрешая читать только «от сих и до сих». В архиве отца есть странички, которые, по-видимому, являются выписками из этих дневников. Вот они:

«Чуть ли не сразу по выходу из тюрьмы 6 сентября 1937 года она записывает в дневнике:

Я чувствую, как ни печально мне сейчас, — я еще буду радоваться, буду победителем. И я напишу много книг о молодежи и ее радости, и главную из них — заставу (имеется в виду Невская застава, где Берггольц родилась и жила в молодости. — Ю. М.). И отделаюсь от давящей все время мысли о своей и всеобщей смерти и тленности, и страха этой своей смерти. Или умирать сейчас же, или жить хотя бы в надежде на эту радость.

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею.
Никогда не умрет революция,
Не закончив работу свою».

Следующие выписки относятся к 1939 году: «15 июля 1939 г. на второй день после выхода из тюрьмы, где провела (слово-то какое!) 171 день, Ольга записала: „Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не поняла всего“. 6 сентября 1939 г. в 2 часа ночи снова записывает: „Я с вами, товарищи, я с вами, я с вами, бойцы интернациональных бригад, томящиеся в концлагерях фашизма. Я с вами, все честные и простые люди: вас миллионы, тех, кто честно и прямо любит родину, с поднятой головой и открытыми устами!“ 15 октября 1939 г.: „Да, я еще не вернулась оттуда...“ 14 декабря 1939 г.: „Ощущение тюрьмы сейчас, после 5 месяцев воли, возникает во мне острее, чем в первое время после освобождения“. И дальше там же: „Я покалечена, сильно покалечена, но, кажется, не раздавлена... Это не изменило моего отношения к нашим идеям и к нашей родине и партии...“»

«Не раз она вспоминала, — продолжает конспектировать отец, — о своем выступлении 23 декабря о Сталине, во время которого читала в тюрьме „свой стишок о вожде... Как этот слабый стишок был любим!“».

И далее: «Ей захотелось написать Сталину о том, как относятся к нему в советской тюрьме. „О, каким сиянием было там окружено его имя! Он был такой надеждой там для людей. Это даже тогда, когда я начала думать, что он все знает, что это его вина, я не позволяла себе отнимать у людей эту единственную надежду“».

В своих комментариях к дневникам отец замечал: «Не сразу найдешь, кого можно сравнить с Берггольц в умении так старательно и прилежно записывать собственную жизнь. Но дневники — не просто летопись. Это — борьба сомнений и правды. Мы давно и по достоинству оценили все, что написано Берггольц, что живет вместе с нами в ее книгах. Но, как это ни кощунственно может прозвучать, утверждаю, что образ Берггольц, наша любовь к ней многократно возрастут, когда будут опубликованы ее дневники, ее бесконечные ночные беседы с самой собой».

Судьба Берггольц была не безразлична каждой семье, пережившей блокаду. Не только отец, но и дед помнили наизусть многие ее стихи, звучавшие в те годы по радио. Еще в начале 1930-х годов дед лечил, но не вылечил от тяжелой болезни сердца первую дочь Берггольц, Ирину, и всю жизнь как бы чувствовал перед Ольгой Федо-

ровной свою вину. В 1960-х годах они стали соседями по Черной речке. Приходя к дедушке с бабушкой в гости, отец непременно навещал Ольгу Федоровну, а возвращаясь, рассказывал о ее жизни. Берггольц жила вместе с сестрой, но часто впадала в депрессию, причиной которых были не только болезни. Потеря троих детей, причем одного, как метко заметил Гранин, «вытоптали на допросе», а потом любимого человека (мужа Н. Молчанова) могли сломать не только такую сильную личность, какой была Берггольц. Вот и приходилось часто искать забвение с помощью алкоголя.

Как отмечалось выше, с Ахматовой отец познакомился во времена его работы в «Литературной газете» и сошелся потом более близко благодаря Александру Гитовичу. Это произошло в Комарово, где все трое жили в летнее время на даче. Став в 1965 году главным редактором Лениздата, отец задумал издать книгу ее произведений, но такую, которая привнесла бы новый взгляд на Ахматову и была бы отличной от изданного в том же году издательством «Советский писатель» «Бега времени». С этой целью в книгу не только была включена проза Ахматовой, но в предисловии к сборнику, издание которого заняло девять лет, отец писал: «Мне хочется рассказать об Ахматовой во дни торжеств и бед народных, о гражданственности ее поэзии, ее национальном, русском характере». Действительно, до тех пор об Ахматовой так никто не писал.

Однако сразу после смерти Ахматовой он было не решался думать об издании полновесной книги в партийном издательстве. Все же Лениздат был менее свободным, чем «Советский писатель». Поэтому, чтобы обком не зарезал идею на корню, отец решил просить одобрение чинуш на издание небольшой книги Ахматовой. Стержнем ее должны были стать патриотические циклы «Ветер войны», «Победа», «Луна в зените» и «Поэма без героя». Однако он все же сумел доказать в Смольном необходимость наиболее полного издания Ахматовой, что явилось бы доказательством свободы советской печати и лояльности знаменитой поэтессы.

А тогда, в 1965 году, приходя с писательского участка к нам на дачу, отец передавал свои впечатления о встречах с Ахматовой. Главным его слушателем был дедушка, но что-то долетало и до меня. Отец ценил, что Ахматова относилась к нему, человеку, возглавлявшему партийное издательство, все с большим и большим доверием. Он с волнением повторял якобы ее слова: «Я человек Хренкова», свидетельствовавшие о том, что ей хотелось быть опубликованной в партийном издательстве. Самой мне не довелось увидеть Ахматову, но, по рассказам отца, как и многих других, она выглядела царственно величавой. С этим обликом никак не вязался один эпизод, рассказанный отцом. Приходит он как-то раз на писательский участок в Комарове и видит, что Ахматова и Гитович шарят в кустах и под деревьями. Оказалось, они вечером спрятали где-то шкалик водки на опохмелку, но никак не могли его найти.

В 1989 году, уже выйдя на пенсию, отец напишет книгу «Анна Ахматова в Петербурге—Петрограде—Ленинграде». Эта книга пользовалась большой популярностью среди жителей города, и его постоянно приглашали на всякие мероприятия, связанные с Ахматовой, а после перестройки, когда отец оказался не у дел, эти встречи скрашивали его жизнь.

Лениздат, «Нева» и цензура

Пожалуй, должность главного редактора Лениздата, которую отец занимал с 1965-го по 1979 год, была главным из «постов» в его жизни. Именно здесь наилучшим образом проявились его организационные способности, умение придумывать и воплощать в жизни новые идеи, в частности, такие, как серия «Выдающиеся деятели науки и культу-

ры в Петербурге—Петрограде—Ленинграде», «Повести ленинградских писателей», и не в последнюю очередь способность бороться с партийным начальством за публикацию работ писателей и поэтов, которых он считал нужным издавать.

С начала 1970-х годов я стала жить отдельно от родителей своей семьей, занималась воспитанием сына и писала диссертацию. Другими словами, я не имела возможности наблюдать отца постоянно в повседневной жизни, а тем более видеть его в работе. Поэтому я попросила тех немногих друзей, которые сейчас еще помнят отца и атмосферу застоя, в которой он работал, написать о нем небольшие воспоминания. На мою просьбу откликнулись корреспонденты ЛенТАСС Олег Сердобольский и Лев Фролов, а также многолетний соратник и друг отца по Лениздату и журналу «Нева» Борис Григорьевич Друян. Сердобольский сначала назвал свою заметку «А где вражье, Дмитрий Терентьевич?», но потом опубликовал ее на сайте Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области под названием «Его вулканичество Хренков». Такое название, по-моему, как нельзя лучше отражает характер отца. Ниже я привожу написанное Сердобольским с его согласия.

Дмитрий Терентьевич Хренков вспоминается мне как человек бури и натиска, несомненный лидер, человек, необычайно стремительный в своих решениях, владеющий стратегией и тактикой борьбы за свою идею. Ростом он был с генералиссимуса Суворова, носил такую же, как полководец, прическу с хохолком на макушке и обладал пронзительным голосом, в котором преобладали жизнеутверждающие нотки.

Война кидала его на одни позиции, мирная жизнь — на другие. Но чем бы он ни руководил — отделом ли армейской газеты, Пушкинским ли театром, Лениздатом или журналом «Нева», везде он был несомненным вожаком не по должности, а по существу, как бы сейчас сказали — креативщиком (хотя в его времена это слово еще не было в моде). К нему притягивались люди, ощущавшие мощь его силового творческого поля. Он фонтанировал идеями. А когда он отошел от активной общественной жизни, то и тогда не поддался своей участи пенсионера. Как литературовед, близко знавший объекеты своего исследования, он всегда был в работе за писательским столом.

С Дмитрием Терентьевичем меня познакомил радиожурналист Матвей Львович Фролов. Они были друзьями, питерцами одного поколения да к тому же людьми одного общественного темперамента. Хренков, услышав от друга мою «производственную характеристику», тут же включил меня в свою символическую картотеку, как человека, который в какой-то ситуации может ему понадобиться. И в начале 1980-х такой случай представился.

Звонит мне среди дня в редакцию ЛенТАСС знакомый пронзительный голос. Я сразу узнал Дмитрия Терентьевича, который был в тот момент главным редактором серьезного партийного издательства — Лениздата. И без всякого разгона Хренков предлагает мне написать книгу о боевом и профессиональном пути фотокорреспондента газеты «На страже Родины» Николая Хандогина.

— Я Колю Хандогина сто лет знаю, еще с войны. У него сохранилась куча военных фотографий. Напишите о нем книгу, а мы ее издадим, проиллюстрируем снимками.

По ходу разговора у меня родилось встречное предложение: сделать книгу не об одном, а о пяти военных корреспондентах, которые были живы, здоровы и доступны для общения. Хренков быстро согласился, но предупредил: времени мало потому, что все надо успеть сделать к победной дате. К тому времени у меня уже сложился хороший авторский дуэт с моим другом — тассовцем Виктором Ганшиным, который был на одиннадцать лет старше меня и успел подростком хлебнуть горькой доли на оккупированной фашистами территории.

Как делали мы книгу в паузы между репортерской работой — это отдельная история. Но в жесткий график мы, как ни странно, уложились и в назначенный день по-

ложили на стол главного редактора Лениздата объемную рукопись под названием «Одна секунда войны». Он был ее первым читателем и первым рецензентом, который не заставил нас долго ждать. И когда спустя дней пять он мне позвонил, то вместо ожидаемого «молодцы, спасибо, здорово сработали!», в трубке раздалось:

— Ну, вы, ребята, даете!.. Вы врете, врете, да знайте меру!..

— А где вранье, Дмитрий Терентьевич? — поинтересовался я.

— И вы еще спрашиваете, где вранье! Зачем вы придумали блокадные дневники Хандогина? Да Коля, к вашему сведению, двух слов связать не может. А вы цитируете какие-то его дневники!

Пришлось нам звать на помощь самого Николая Ивановича. Принес он нам свою тетрадку с дневниковыми записями блокадных лет, которые поначалу не решался нам показать: стеснялся своих грамматических ошибок. Этот-то дневник мы и предъявили Хренкову в качестве вещественного доказательства. Что и говорить, Дмитрий Терентьевич был просто ошеломлен такой неожиданностью! За «Одну секунду войны» мы были отмечены премией Союза журналистов СССР. Книга стала библиографической редкостью. На нее ссылаются исследователи как на документ времени. И как не вспомнить, что началось это со звонка в редакцию, со светлой идеи, сверкнувшей в голове замечательного человека, прошедшего всю войну.

Вторая история, связанная с Дмитрием Терентьевичем, случилась в середине 90-х гг. Не стало старейшего питерского журналиста Матвея Фролова. И мне поручили сделать книгу, составив ее из воспоминаний коллег и друзей. Все эти мемуарные страницы сложились в «репортаж-воспоминание», где вместе с журналистами сказали свое слово Михаил Аникушин, Андрей Петров, Даниил Гранин, Кирилл Лавров, Алексей Баталов, Лев Додин...

Дмитрий Хренков написал для этой книги воспоминания «У микрофона — его величество факт», вспомнив очень яркий эпизод боев в районе Невской Дубровки 1941 г. Подписался он под своими заметками как журналист и писатель. Но лично для меня, как редактора-составителя, не менее ценным вкладом Дмитрия Терентьевича был листок со стихотворением «Вольный сын эфира». Это была страница, как бы извлеченная из толстого академического издания, с текстом стихотворения, посвященного Матвею Фролову.

Сын Льва, родитель терпеливый Львенка¹,
О снизойди к нам, дай ответ,
Как ты при этой работенке²
Сумел дожить до столь преклонных лет?

Как девственница, напряжен эфир,
В мольбе и страхе, в радости он снова,
На всю страну, на весь подлунный мир
Летит, не умолкает голос М. Фролова.

Не зависть — прочь изыди, суета,
Пусть старость над тобой не будет властна,
И коль тебе не хватит ста³,
Возьми, пожалуйста, все полтора!

Все будет так. В истории мирозданья
Об этом скажут красною строкой:
Неутолимый демон, дух изгнанья
Витал над грешною землей⁴.

А сноски в виде академических литературоведческих примечаний были такие:
1. Речь идет о Матвее Фролове, известном радиожурналисте.

2. В штурме Зимнего не участвовал, но не раз сотрясал Дворцовую своими репортажами.

3. «Не хватит ста» — труднопереводимое журналистское выражение, имеющее двойное значение. В данном случае — не хватит ста граммов спиртного.

4. Строки, заимствованные у ближайшего предшественника М. Фролова М. Ю. Лермонтова (1814—1841). См. у последнего «Демон», «Валерик» и др.

Когда-то этот сюрприз был сочинен к дню рождения Матвея Фролова и украсил дружеский капустник. Ну, а для меня это была лучшая подсказка для названия будущей книги. Так что с чувством юмора у Дмитрия Хренкова было все в порядке. А сама презентация книги «Вольный сын эфира» — первой в городе персональной книги об одном журналисте! — стала общим праздником для всех, кто вложил в нее частицу своего труда — труда благодарной памяти.

Доводилось мне и в других эпизодах так или иначе пересекаться с Дмитрием Терентьевичем. Однажды, зайдя в редакцию журнала «Нева» на Невском, я стал свидетелем кипучей жизни его редколлегии. Видимо, сдавался очередной номер, кипела работа, все были очень озабочены. В разгар этой редакционной круговерти раздался звонок. Хренкову звонил балкарский поэт, Кайсын Кулиев. Надо было слышать, как сердечно, по-братски говорил с ним Дмитрий Терентьевич! («Кайсын, дорогой! Все получил, не волнуйся. Приезжай в Питер, всегда тебе рады»). Если не ошибаюсь, речь шла о подборке стихов, которые планировалось опубликовать в переводах Михаила Дудина. Такими же теплыми были отношения главного редактора «Невы» с другими народными поэтами большого Союза — Расулом Гамзатовым, Мустаем Каримом, Давидом Кугультиновым...

В 1976 году Дмитрий Терентьевич познакомил меня с поэтом Всеволодом Александровичем Рождественским, попросив его прочитать мои стихотворные опусы. Мэтр, окруженный густым табачным дымом, прямо при мне прочитал целую пачку моих стихов, что-то предложил вычеркнуть, что-то добавить и сказал под конец: «Пишите побольше о нашей современности, о человеке труда, не прячьтесь в кусты от реальности». Конечно, для меня это была очень важная встреча. Намечалась первая журнальная публикация в «Неве», где Рождественский, если не ошибаюсь, вел отдел поэзии. Только вот переделывать и переписывать я почему-то ничего не стал. Мне важнее было сделать для себя кое-какие выводы.

Но именно в те 80-е, во времена редакторства Хренкова, в «Неве» могли быть впервые напечатаны мои детские стихи. Там многие годы выходила страничка для детского чтения. Я подготовил подборку, ее проиллюстрировал великий карикатурист и книжный график Владимир Александрович Гальба, который очень тепло ко мне относился. Уже эти стихи с черно-белыми картинками стояли на заветной страничке, и я получил от редактора отдела письмо, в котором сообщалось в каком номере подборка будет напечатана. Но судьбе было угодно, чтобы именно с этого номера детская страничка выходить перестала. Оказывается, Дмитрий Терентьевич страничку эту не любил, давно собирался ее закрыть. И так совпало, что закрыл он ее именно на моих стихах. Но это мне вспоминается сейчас, как забавный анекдот из прошлого.

Дмитрий Терентьевич Хренков был ровесником моего отца. Я преклоняюсь перед этим отважным поколением с его неиссякаемым запасом жизненного оптимизма.

А вот что вспоминает о системе отношений между редакторами издательств, журналов и газет во времена застоя друг моего детства и тоже корреспондент ЛентАСС Лев Фролов, отец которого упоминался выше.

Как-то раз главному редактору журнала «Нева», которым в то время был мой отец, необходимо было решить кое-какие вопросы с самым главным человеком в городе. Таковым был в то время Лев Николаевич Зайков, бывший до недавних пор председа-

телем исполкома Ленгорсовета, а еще раньше генеральным директором научно-производственного объединения.

В один прекрасный день из аппарата первого секретаря обкома КПСС раздается звонок:

— Дмитрий Терентьевич, Лев Николаевич примет вас в такое-то время, в такой-то день.

«В назначенный час я был в приемной», — рассказывал Хренков.

— Сейчас о вас будет доложено, — сказал помощник, скрывшись за массивной дверью кабинета на третьем этаже Смольного.

— Проходите, Лев Николаевич ждет вас.

«Я вошел в кабинет, — продолжал Хренков, — его хозяин поднялся с кресла, сказав: „Здравствуйте, товарищ Хренков. Читал, читал, знаете ли, ваши повести и новеллы. Хорошо, надо сказать, написано, ярко. Ну, рассказывайте, как дела в журнале, какие планы, проблемы“...»

Любопытно, что, со слов Дмитрия Терентьевича, в его творческом портфеле данные литературные жанры практически отсутствовали, но об этом, вероятно, главный партийный начальник города знал лучше автора...

Лев Фролов раскрыл более подробно и тему взаимоотношений «обком-журналисты». Визит руководителя одного из городских СМИ в Смольный, подобный хренковскому, далеко не единичный. Традиционно руководители газет были в элите партийного начальства, членами или кандидатами в члены бюро обкома или горкома, избирались главами соответствующих изданий. К примеру, главный редактор «Ленинградской правды» был членом бюро обкома КПСС, «Вечернего Ленинграда» — бюро горкома КПСС, молодежной «Смены» — бюро обкома ВЛКСМ. Причем в обязательном порядке, вне зависимости от личности, главное — носитель должности. Так что редакционное начальство было, что называется, регулярно вхожи в верхи партийной власти, с соответствующими льготами и привилегиями (дачи, продуктовые заказы, спецлечение в поликлинике и больнице имени Свердлова). Меньшими «дарами», но все же существенными льготами пользовалось и мелкое редакционное начальство: члены редколлегий газет, спецкоры, руководители отделов, выпускающие ЛенТАСС.

Вот еще один примечательный факт, подтверждающий действенность альянса «партия-журналисты». На старинный особняк девятнадцатого века в самом центре города на Невском, 70 после того, как оттуда выехало некое закрытое КБ, было полно желающих. Причем весьма солидные и авторитетные фирмы хотели занять здание. Однако именно тогдашний первый секретарь обкома Г. В. Романов распорядился отдать его под Дом журналиста и Союз журналистов Ленинграда — эти общественные организации занимают особняк по сей день.

Несмотря на такие «тесные» отношения между сотрудниками СМИ и партийным начальством, у моего отца (да и не только у него) происходили постоянные столкновения с органами, ведавшими цензурой.

Подробно и интересно написал Борис Григорьевич Друян о том, как они пробивали в печать книгу «Анна Ахматова. Стихи и проза. Лениздат, 1977»⁵. Именно из-за проблем с цензурой на издание книги ушло девять лет, в течение которых скончалась сама Ахматова, потом Корней Иванович Чуковский, который должен был написать предисловие, произошел разрыв с Лидией Корнеевной Чуковской, комментировавшей поэтический раздел книги, но книга все-таки вышла.

Еще будучи главным редактором Лениздата, ссылаясь на приближение официального пенсионного возраста, отец написал в мае 1979 года письмо Г. В. Романову с прось-

⁵ См.: Б. Г. Друян. Неостывшая память. СПб.: Геликон, 2013, с. 199—236.

бой освободить его от обязанностей главного редактора и дать возможность заниматься собственной литературной деятельностью. Я не уверена, что письмо действительно дошло до адресата, так как в архиве отца хранится его первый экземпляр. Но так или иначе, из Лениздата он ушел в 1979 году, но не на пенсию, а стал работать главным редактором журнала «Нева», к чему стремился довольно долгое время. Однако проблемы с цензурой только усилились.

Вот эпизод, относящийся уже к работе в журнале «Нева», рассказанный тем же Друяном, о том, как отец пытался пробить публикацию стихов В. Высоцкого.

В конце 1980 года в Ленинград приехала давняя знакомая Друяна из Западного Берлина Ингеборг Голлерт. Зная его любовь к творчеству Высоцкого, она привезла в подарок большую пластинку с профессиональными записями песен в авторском исполнении в сопровождении оркестра. На черном глянцевоом конверте был изображен выразительный фотопортрет Владимира Семеновича и — крупно: Vladimir WISSOTSKI «Von der Erde» und andere Lieder. Внизу — мелким шрифтом: (P) 1980, Dortmund.

Всего на пластинке было записано четырнадцать песен. Их тексты, напечатанные на русском и немецком, были вложены в конверт. Именно здесь он увидел впервые стихи Высоцкого, набранные типографским способом. (Самая первая, посмертно изданная книга Высоцкого «Нерв» вышла в свет поздней осенью 1981 года.) В новогоднюю ночь 1981 года компания друзей Друяна слушала у него дома прекрасно записанные песни Высоцкого.

Именно в это время по приглашению отца как главного редактора журнала «Нева» Друян перешел работать в «Неву» заведующим отделом поэзии. Вскоре возникла необходимость найти для майского, победного, номера журнала что-то значительное, новое. И тут его осенило: а не попытаться ли напечатать Высоцкого? Чем черт не шутит — вдруг да и выгорит, — думал Друян. Но для начала нужно было убедить в этом главного редактора. Он перепечатал на машинке тексты четырех с давних пор любимых песен, которые сами по себе свидетельствовали о незаурядном поэтическом даровании Высоцкого: «Песня о земле», «Он не вернулся из боя», «Сыновья уходят в бой», «Братские могилы». Фамилию автора стихотворений он не указал.

На следующий день Друян пришел в кабинет главного редактора и молча положил перед ним на стол листки со стихами. Отец, по словам Друяна, быстро прочитал стихи, снял очки и порывисто встал из-за стола.

— Какие замечательные стихи! Обязательно — в майский номер! Слушай, но я где-то вроде бы читал их... Точно читал, только вот не помню где. Кто их написал?

— Не могли вы их читать. Честное слово, не могли, — взволнованно начал Борис Григорьевич, — а вот слышать — слышали много раз. Высоцкий это.

— Ну да, ну да, — как-то обескураженно произнес Д. Т. — Конечно, слышал. Замечательные стихи!.. Жаль, напечатать не сможем.

— Да как же так, вы же сами говорите, что стихи замечательные. Смотрите, какой редкой красоты строки: «Отражается небо в лесу, как в воде, и деревья стоят голубые»! Да и стихи эти о вашем поколении фронтовиков, о моем отце, который в сорок четвертом не вернулся из боя. Ну что в них вредного, антисоветского, в конце-то концов?!

— Подожди, подожди, не горячись, сядь, успокойся. Я тебе говорю: ничего у нас не выйдет. Высоцкий в черном списке, а список составили на самом верху, понял?

— Ну и что, а вы все же попробуйте в обкоме объяснить, что Высоцкого из этого списка надо вычеркнуть. Ведь они с вашим мнением считаются.

— Не так уж они и считаются, сам знаешь... Ишь, хитрец: объясни им. Да никакими объяснениями их не возьмешь.

— Вы просто дрейфите говорить с ними о Высоцком, — использовал Борис Григорьевич последний козырь, намеренно передергивая: в чем-чем, но только не в трудности можно было бы обвинять Д. Т. (так отца все называли в редакции. — Ю. М.), и Друян это отлично знал.

— Ну что мне с тобой делать? — притворно нахмурился Д. Т. — Не забывай, что я все-таки тут главный редактор.

— А кто главнее: главный редактор или редактор главного редактора? — нашелся Друян, имея в виду то обстоятельство, что несколько книг Д. Т. были отредактированы им.

— Конечно, ты главнее, — заулыбался Главный. — Но даже ты бы их не убедил, поверь мне.

Разговор был окончен. Уходя из кабинета, Борис Григорьевич задержался в дверях и вполголоса прочитал:

Наши мертвые нас не оставят в беде.
 Наши павшие — как часовые.
 Отражается небо в лесу, как в воде,
 И деревья стоят голубые.

— Погоди, — вдруг сказал Д. Т., — давай стихи, поеду, попробую.

Отец всегда все решал и делал быстро, не откладывая на потом.

Из Смольного он вернулся смурной, нахохленный:

— Знал я, знал: ничего не выйдет, просто съездил для очистки совести. Да и ты бы глядел косо, если бы не поехал, знаю я тебя... Ладно, не будем делать из этого трагедии. Знаешь поговорку об обухе и плети? То-то, — и неожиданно предложил: — А не пройтись ли нам сегодня по «гуренковкам»? («Гуренковками» в компании отца назывались коньячные в честь его друга, редактора «Вечернего Ленинграда» Михаила Николаевича Гуренкова. — Ю. М.)

...После третьей «гуренковки» на Невском, рядом с Литейным, отец и Друян оживленно беседовали о поэзии, бережно поддерживая друг друга и по очереди читая стихи Высоцкого.

На улице Маяковского около них остановилась «Волга». Из нее вышла редактор популярнейшей в те годы газеты для детей «Ленинские искры» Людмила Анищенко — красивая чернобровая женщина. Она картинно всплеснула руками и весело пропела:

— Издалека заметила, что вы что-то не очень твердо двигаетесь по земле-матушке, руками размахиваете. Давайте я вас до дома подброшу на машине.

— Нет! — заупрямился Д. Т. — Мы с Борей в полном порядке. Вот только зайдем на Салтыкова-Щедрина в «гуренковку» и — домой. Хочешь, пойдем с нами, мы тебе стихи читаем.

Людмила сочала за благо откланяться, а они продолжили путь к намеченной цели. Нечего говорить, с каким напряжением мама каждый раз ждала возвращения отца домой, опасаясь, что когда-нибудь он просто свалится с ног в очередной коньячной.

Все же отцу не раз удавалось добиваться своего в борьбе с цензурой и партийным начальством. Например, он упорно отстаивал публикацию произведений Валентина Пикуля. Хотя они не всегда были написаны красивым литературным слогом, отец считал, что эти книги способны пробудить у читателей интерес к отечественной истории, выходящей за пределы требований партийности. Боролся он и за публикацию книг Ильи Штемлера, прозванного «нашим Артуром Хейли» просто в силу схожести тематики ряда их книг. Штемлер писал интересно и увлекательно, хотя никаких «идейных» тем не поднимал.

Зато графоманам, которые пытались пропихнуть свои «труды», прикрываясь их идеологической выдержанностью, отец всегда давал отпор. Работавший вместе с ним в журнале «Нева» Анатолий Петров также вспоминал, как отцу приходилось сражаться с графоманами и цензурой. «Как-то на страницах „Седьмой тетради“, — писал Петров, — было решено реанимировать полузабытые имена Зоценко, Хармса, Аверченко, Олейникова, Булгакова... Хренкова тотчас вызвали на ковер в Смольный и устроили взбучку. Однако Д. Т., бесстрашный как Чапай, особо-то не расшаркивался. Д. Т. говорил: „Нам нужна литература, понимаете вы это или нет?“ — и не терял оптимизма...

Д. Т. почти всегда шел на прорыв. Он так и представляется до сих пор — Чапай на коне с сабелькой наголо и развевающейся буркой. Естественно, никакие инстанции подобного поведения не одобряли, да и вообще ни на каких идеологических уровнях управление печатью о „Неве“ добрых слов не произносило, „Неву“, как правило, ругали, а сотрудников лишали премий».

Наконец, не выдержав бесконечных нервотрепок с цензурой, отец все же вышел на пенсию в 1984 году, чему партийное начальство, наверное, было только радо. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал скандал вокруг публикации прозы Валерия Мусаханова, правдиво рассказывавшей о тогдашней жизни.

Во второй половине 1980-х годов здоровье отца стало сдавать, и он периодически ложился в больницу. После какой-то операции даже привычные «сто грамм» стали для него слишком большой порцией. Когда отец пьянел, он обязательно читал стихи Николая Гумилева «Шестое чувство»:

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Тогда домашние понимали, что свою норму он уже «принял». Вспоминается один смешной случай. Вскоре после выхода из больницы отец сбежал в Дом журналиста. Вдруг нам звонят оттуда по телефону и сообщают, что его разбил паралич и они вызвали «скорую». Мой муж тотчас поспешил на машине к отцу. Но когда он туда прибыл, оказалось, что того уже увезли на «скорой» в «старую Свердловку». Однако оттуда врачи решили направить его в специализированную больницу на Авангардной, и подошедший муж вместе с врачом пересели в другую машину. Отец лежит без движения, но вдруг раздается: «Прекрасно в нас влюбленное вино...» Мужу становится понятным, что никакой это не паралич, а просто состояние опьянения. Однако отбить отца у врачей не удалось. В шесть часов утра раздается звонок, и отец кричит в трубку: «Вы бы меня еще в Таллин отправили. Забирайте скорее да сто грамм привезти не забудьте».

В силу своего служебного положения отец пользовался многими привилегиями, о которых написал выше Лев Фролов. Однако при этом он всегда был готов помочь другим. Одним он помогал устроиться на работу, другим — получить квартиру или садово-огородный участок, третьим — купить «по благу» книги.

Отец, что называется, был человеком «системы», и он прекрасно понимал, что «система» зашла в тупик. Ведь он сам как издатель не раз мог убедиться в ее косности, особенно когда сталкивался с цензурой. Подвергал ли он серьезному сомнению ценности, на которых выросли он и многие люди его поколения — вопрос более сложный. Правильнее было бы сказать, что он допускал критику отдельных моментов, но не выходил на уровень обобщения. Думаю, что как честный человек он должен был задавать, а возможно, и задавал себе те же вопросы, что мучили Берггольц по выходе из тюрьмы: «Где, когда и как мы выскочили из колен?»

90-е годы

Отец не вписался в новую систему. С одной стороны, это можно объяснить тем, что изменились обстоятельства повседневной жизни в нашей семье. С моим отъездом сначала в Австралию, а потом в Японию, который отец очень переживал, на него легла обязанность заботиться о маме, не отличавшейся хорошим здоровьем. Она с детства плохо слышала, а с годами ее глухота усиливалась. С другой стороны, инфляция, неразбериха и криминальная обстановка в городе дезориентировали всех, но особенно пожилых людей. Отец сразу же стал никому не нужным — одни друзья умирали, другие поужжали, третьи все же как-то приспособливались. Он же наотрез отказался уезжать из своей страны. В одном из его писем ко мне говорилось: «Писать ничего не могу потому, что никто не хочет печатать таких людей, как я, с такими убеждениями, интересами и пр. Жизнь круто изменилась даже на этом фронте. От этого жизнь труднее, замкнутее, мрачнее». И в другом письме он повторял почти то же самое: «Теперь тебе нужно думать только о собственной семье, работе и жизни. Мы же будем только доживать, ибо, как выяснилось, я уже не способен к нормальной работе, да и обстоятельства в стране и городе сложились так, что никто из нас, бывших, не нужен никому, кто владеет властью, журналами и пр. Конечно, иной раз можно с любопытством пройтись по улицам и увидеть то, что происходит: город во власти бизнесменов и жуликов».

И все же отец нашел себе занятие — стал помогать в работе мне. Именно он подсказал мне новую тему исследования — заняться изучением русско-японских отношений и, в частности, взаимных представлений друг о друге, будучи уверенным, что эта тема еще не разработана и что каждый, кто обратится к ней, может сказать первое нужное слово. Отец оказался полностью прав.

Он помогал мне собирать материалы по русско-японским отношениям в Российском государственном архиве Военно-морского флота, в Публичной библиотеке, делился своими воспоминаниями о писателях и журналистах, которые были причастны к Японии. Когда же он приехал в гости ко мне в Японию, ему предложили выступить с лекцией и рассказать о своей работе в Советском Союзе. Интересно, что, даже не зная японского языка, он мог «разговориться» с японцами прямо на улице, собрать вокруг себя компанию японских девушек, которым был интересен «российский старичок». А с моим деканом профессором Хираи Томоеси, советологом по профессии, который и пригласил меня на работу в Японию, они просто стали друзьями. Таким образом, отец вновь почувствовал свою востребованность, и его деятельная натура на время ожила. Но если мама легко привыкла к жизни в Японии — лишь бы я была рядом, то отец не мог жить, как он говорил, «без гранитных камней Ленинграда». Пришлось везти назад сначала его, а потом и маму, благо Япония все же соседка России. К счастью, исследование русско-японских отношений позволяло мне ездить в Россию по три раза в год. Отцу Япония была интересна своей необычной культурой, организованностью жизни, тем, как японцы возродили Хиросиму. Однако душа его принадлежала России, какой бы она ни была.